

Один любит ревновать, а другой — наблюдать за тем, как он ревнует.

Спаситель?

Если вдуматься, у Сюй Мучжоу и Ху Цинляня действительно была одна встреча в прошлом. Месяц назад Сюй Мучжоу по приглашению знакомого отправился обедать в один из городских трактиров.

Едва переступив порог, он услышал дивные звуки гуциня. Сюй Мучжоу не был силен в музыке, но его спутник, некий господин Чжао, не переставал восхищаться мастерством исполнителя. Он даже заметил, что музыка отражает душу, и тот, кто так играет, наверняка является писанным красавцем.

Сюй Мучжоу не придавал этим словам особого значения — для него что гуцин, что гучжэн, что пипа — все звучало примерно одинаково.

Однако после обеда, когда они вышли из трактира, в переулке за зданием они наткнулись на грабителей. Жертвой был не Сюй Мучжоу, а молодой человек в шляпе с вуалью, за спиной у которого висел музыкальный инструмент.

Господин Чжао сразу узнал инструмент и воскликнул, что это, должно быть, тот самый музыкант, после чего бросился на помощь. Глядя на его короткую, пухлую фигуру, Сюй Мучжоу испугался, что того побьют еще до того, как он успеет вмешаться. Поэтому он остановил спутника, а сам выложил деньги, откупившись от хулиганов.

Тогда он не придавал этому значения — мало ли дел у человека, идущего по улице, — но сейчас, оглядываясь назад, Сюй Мучжоу понял: тот человек, которому он помог, определенно был Ху Цинлянем.

— Спаситель — это слишком громко сказано, я всего лишь отдал несколько десятков серебряных монет, — Сюй Мучжоу не хотел приписывать себе лишние заслуги. — К тому же, если уж кого и благодарить, так это господина Чжао. Кстати, Цинлянь, когда ты вошел в дом, я не видел у тебя инструмента. Если бы не твое дивное исполнение, господин Чжао не проникся бы к тебе такой жалостью. Думаю, тот инструмент стоило бы беречь как зеницу ока.

Ху Цинлянь не мог понять отношения этого человека. Тот держался отстраненно, но в то же время... словно хотел быть ближе. Впрочем, даже эта близость казалась какой-то ускользающей.

В ночь после свадьбы Сюй Мучжоу вел себя так, будто знал о скрытых целях Ху Цинляня, но при этом ничуть не защищался, а теперь вот еще и проявил заботу о его инструменте. Ху Цинлянь не мог разгадать мысли этого человека, поэтому честно ответил на вопрос:

— В то время я был по уши в долгах, и инструмент пришлось отдать в уплату.

Когда-то Ху Цинлянь жил в достатке, но после разорения семьи на него легли огромные долги, и ему пришлось искать прибежище в увеселительных заведениях. Впрочем, как выходец из уважаемого дома, он придерживался правила: продавать свое искусство, но не себя.

Сюй Мучжоу слегка задумался. Похоже, при первой их встрече Ху Цинляня как раз прижали к стенке коллекторы, поэтому он так легко и отделался деньгами.

— Цинлянь, говорят, ты мастерски владеешь музыкальными инструментами? — Сюй Мучжоу был наслышан о его славе в кварталах красных фонарей.

Ху Цинлянь опустил глаза:

— Мастерство — слишком громкое слово, я лишь немного разбираюсь в некоторых инструментах.

— Скоро пятнадцатое число, а у нас в усадьбе никто не умеет играть, и каждый год во время любования луной всем становится скучно. Наконец-то появилась надежда на праздник.

Сюй Мучжоу говорил это с самым серьезным видом. И это была чистая ложь: Пэй Юньчу владел искусством игры на цине в совершенстве, да и А Юань могла исполнить пару мелодий на деревянной флейте.

— Но... у меня нет с собой инструмента. Да и в этом доме, кажется, нет ничего подобного.

Сюй Мучжоу ослепительно улыбнулся:

— В чем же проблема? Купим новый.

Он поднялся, достал из книжного шкафа парчовую шкатулку, а из нее — нечто, похожее на банковский вексель.

— Владелец музыкальной лавки в городе мне как родной брат. Он дал мне этот талон, по нему на покупку инструмента полагается скидка в тридцать процентов. Цинлянь, это тебе.

Ху Цинлянь обеими руками принял талон, чувствуя легкое замешательство. Все это время он жил в усадьбе Сюй, не имея возможности выйти наружу, и не мог исполнить приказ старшего брата Сюй следить за каждым шагом Мучжоу. Этот поход за инструментом мог стать отличным поводом передать весточку.

Ху Цинлянь сразу же согласился и не преминул спросить, когда именно он может выйти. Сюй Мучжоу лишь мягко улыбнулся и ответил, что в любое время, когда он пожелает.

Когда Ху Цинлянь ушел, у дверей кабинета Сюй Мучжоу появилась еще одна фигура, но человек этот замер на месте, словно из вредности не желая входить внутрь. Сюй Мучжоу поднял взгляд на тень, падающую на порог, и невольно улыбнулся:

— Осенняя ночь прохладна, можно легко простудиться. Заходи, присядь.

Переступая порог, Чжуан Бай с силой ударил ногами по полу, так что раздалось два отчетливых стука. Было видно, что он очень сердится.

— Я все слышал. Хм, спаситель! — последние слова Чжуан Бай произнес с особым нажимом, почти скрипя зубами. — Второй брат, ты такой добряк, что всем помогаешь. Интересно, сколько еще людей в этом мире называют тебя своим спасителем?

В конце концов, Чжуан Бай сам был при смерти, когда Сюй Мучжоу подобрал и выходил его. С самого начала Чжуан Бай держался рядом с ним именно под предлогом благодарности за спасение. А теперь, услышав, что Ху Цинлянь тоже собирается его благодарить, он пришел в ярость.

Сюй Мучжоу, не обращая внимания на негодующий взгляд Чжуан Бая, лишь безмятежно улыбнулся:

— Разве можно быть шпионом в доме своего спасителя? Это же неблагодарность.

— Думаю, ту случайную встречу месяц назад подстроил Сюй Сюйюй.

Вспоминая события того дня, Сюй Мучжоу уже успел все обдумать: Ху Цинлянь появился слишком вовремя, и вся эта сцена с вымогательством была явно разыграна специально для него.

<http://bllate.org/book/18908/1848939>